

ВЕЛИКИЕ

БИТВЫ

100

сражений,
изменивших ход истории

Александр Доманин, Светлана Доманина

Александр Доманин

**Великие битвы. 100 сражений,
изменивших ход истории**

«Центрполиграф»

2011

Доманин А. А.

Великие битвы. 100 сражений, изменивших ход истории /
А. А. Доманин — «Центрполиграф», 2011

Война – квинтэссенция конфликта. Но в каждой войне есть и собственные ключевые точки. Это битвы, во многом определяющие сам ход истории. Это далеко не всегда самые кровавые и ожесточенные сражения – больше того, они могут быть и не самыми крупными в каком-то конфликте. Но это те битвы, которые становятся, если выразиться техническим языком, «реперными точками истории». О 100 таких сражениях и пойдет речь в нашей книге...

Содержание

Предисловие	5
БИТВЫ ДРЕВНЕГО МИРА	7
Битва при Кадеше	7
Осада и разрушение Ниневии	9
Взятие Киром Вавилона	11
Марафонская битва	13
Сражение в Фермопильском проходе	15
Битва в Саламинском проливе	18
Битва при Платеях	21
Битва при Левктрах	24
Битва при Херонее	27
Битва при Гавгамелах	30
Битва на реке Гидасп	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Светлана Доманина, Александр Доманин

Великие битвы. 100 сражений, изменивших ход истории

Предисловие

Людей, интересующихся историей, чаще всего привлекают в ней конфликты. Это могут быть личностные конфликты, к примеру, те же Пушкин и Дантес. Это могут быть политические потивостояния – революции или, скажем, двухсотлетняя борьба пап и императоров. Привлекают столкновения разных типов цивилизаций: индейской и европейской, кочевой и оседлой. Наконец, конфликт может быть и внутри культуры – так европейское Возрождение пробивает себе путь через дебри средневековой схоластики. Но апогей любого конфликта – война. Она может принимать разные формы: битва, дуэль, Каносса, гильотина. Но в этих войнах рождается новое – хорошее или плохое, это уж как сложится – но новое. И именно этот процесс перехода к новому состоянию, думается, и привлекает многих людей. При этом само это новое может быть и не так интересно. В конце концов, очень многие сказки и истории кончаются одинаково – «и они жили долго и счастливо», – но саму сказку составляет не повествование об этой счастливой жизни, а тернистый путь к ней. Рассказ о счастливом обыденном бытии мало кого заинтересует.

То же и в реальной жизни. Война – квинтэссенция конфликта. Но в каждой войне есть и собственные ключевые точки. Это битвы, определяющие их ход, битвы, которые могут поставить все с ног на голову, битвы, во многом определяющие сам ход истории. Это далеко не всегда самые кровавые и ожесточенные сражения – больше того, они могут быть и не самыми большими в каком-то конфликте. Но это те битвы, которые становятся, если выразиться техническим языком, «реперными точками истории». Об этих ключевых сражениях и пойдет речь в нашей книге.

Поскольку в названии книги есть магическое слово «сто», самым трудным для нас было определить, какие именно сто битв достойны войти в число тех, что действительно изменили ход истории. Против некоторых, при всем желании, нельзя найти возражений: битва на Каталунских полях, Ватерлоо или Сталинград в этот список входят априори. Но были и более сложные ситуации, например, Таласская битва или битва на Синих водах. В первую очередь мы оценивали именно влияние их на историю, а вовсе не количество участников или число жертв. По этим же причинам мы не включили в список такие крупные сражения, как битва при Куртре, битва под Ваграмом или даже битва за Днепр. Они были выдающимися по своим масштабам и имели важное значение, но не они определили окончательный исход войн. Крупные и кровопролитные, они стали лишь эпизодами в больших человеческих конфликтах. Возможно, кого-то наш выбор не устроит, кто-то создаст свой собственный список. Но мы, опираясь на собственное понимание исторического процесса, сделали именно такой выбор, и полагаем, что он все же оправдывает надежды читателей.

При работе над книгой авторы использовали значительное количество литературы и источников. К сожалению, очень часто мы сталкивались с тем, что эти источники никак не согласуются, а иногда и прямо противоречат друг другу. В этих случаях мы старались давать наиболее проверенную и соответствующую сегодняшнему уровню исторической науки точку зрения. Но встречаются случаи, когда единой или хотя бы непротиворечивой версии по данному вопросу не существует. Такие моменты, как правило, оговаривались, и авторы останавливались на той интерпретации, которая казалась более соответствующей действительности.

Ошибки в такой ситуации весьма возможны, так что мы просим читателей не судить нас слишком строго.

Александр Доманин

Светлана Доманина

БИТВЫ ДРЕВНЕГО МИРА

Битва при Кадеше 1274 (1284?) год до н. э.

Битва при Кадеше проходила между войсками Египетской и Хеттской империй, которые возглавляли Рамсес II и Муваттали II соответственно. Она состоялась у города Кадеша на реке Оронт – там, где сейчас находится Сирийская Арабская Республика, – и обычно датируется 1274 годом до н. э. Возможно, это было самое большое сражение эпохи Нового царства: в нем участвовало более чем по десять тысяч воинов с каждой стороны.

В первой половине своего царствования Рамсес II вел борьбу против экспансии хеттов. После ряда успешных кампаний он с десяти тысячной армией подошел к союзному хеттам городу Кадеш. Фараон был обманут кочевниками-бедуинами, которые являлись тайными союзниками хеттов. Когда он находился под Кадешем, имея при себе лишь соединение Амона и личную гвардию, бедуины убедили его в том, что хетты находятся в двухстах километрах от города. После долгого марша по пустыне Рамсес разбил лагерь и стал ждать подхода остальных войск. Ожидая нападения с севера, он выбрал для своего лагеря прекрасное, защищенное с востока, запада и севера естественными водными преградами, место к северо-западу от города, на левом берегу Оронта. В это самое время основные силы хеттского царя стояли южнее, на правом берегу реки, и были скрыты от глаз египтян холмом, на котором находилась Кадешская крепость.

Обманутый лазутчиками, Рамсес спокойно готовился к штурму. Тем временем хетты, находившиеся совсем недалеко, перешли реку, отделявшую их от египтян, и атаковали движущееся к египетскому лагерю соединение Ра. После недолгого боя хетты разбили это соединение, используя численное преимущество, усталость египтян и внезапность атаки, которые позволили им победить почти без потерь. Воины соединения Ра, среди которых были и дети самого Рамсеса, были перебиты почти полностью, убежать удалось лишь немногим. Выжившие добрались до лагеря и посеяли в нем панику.

Несмотря на столь неудачное начало битвы, Рамсес вывел всех имеющихся у него в распоряжении бойцов на равнину. У египтян было преимущество в наличии копьеносцев, которые в большинстве армий древности строились плотным строем, немного напоминавшим эллинскую фалангу. У хеттов в этом бою копьеносцев не было, и это сыграло на руку египтянам: ведь вооружение хеттов было лучше, чем у их противников (хетты умели делать железные доспехи и оружие, причем изготовление железа являлось государственной тайной, в то время как в египетской армии металлические доспехи среди пехотинцев распространены не были), и будь в том бою у хеттов копейщики, они бы, скорее всего, победили.

Пока Рамсес строил войско к бою, две с половиной тысячи хеттских легких пехотинцев и три сотни воинов на колесницах захватили лагерь египтян и начали его грабить. Но к этому времени подошло еще несколько египетских отрядов, и Рамсес, наведя порядок среди начавших паниковать солдат, начал атаку. Занятые грабежом хетты были застигнуты врасплох, разбиты и сброшены в реку. Царь хеттов Муваттали, видя, как на противоположном берегу реки гибнут его воины, бросил в бой пятьсот колесниц и четыре тысячи пехотинцев. Но Рамсес лично возглавил атаку. Завязался бой, в котором важную роль играли колесницы. Так как местность была не слишком ровная, преимущество имели египетские колесницы: они были более легкие, и к тому же воины, стоявшие на них, были вооружены луками, что позволяло поражать врага издалека и избегать лишних передвижений по неровной местности, на которой

колесницы могли сломаться. Лишь немногие хеттские колесницы доехали до отрядов египтян; большинство или сломались, или повернули обратно, или все их экипажи были перебиты египетскими лучниками.

Вскоре на равнине закипел бой уже пеших воинов. Хотя у хеттов были только легкие пехотинцы и немного оставшихся колесниц, они смогли биться на равных с войском Рамсеса, имевшим в своем составе колесницы, копьеносцев и легких пехотинцев. Но хеттское войско было многочисленнее, организованнее и сплоченнее, к тому же хетты отличались храбростью, и вооружение у них было лучше. Рамсес отвёл колесницы в тыл, причем стрелки на колесницах расстреливали любого египтянина, посмеявшегося бежать с поля боя.

К вечеру обе армии с огромными потерями отступили. Муваттали предложил Рамсесу перемирие, и тот согласился. Обе стороны приписали победу себе, при этом египтяне часто описывали ее так, будто Рамсес в одиночку перебил всё хеттское воинство.

Замысел хеттского царя Муваттали одолеть египтян, напав на них врасплох, успехом не увенчался, но и Рамсес II, намеревавшийся захватить Кадеш, также не преуспел и был вынужден возвратиться обратно в Египет. Тем самым экспансия владык египетского Нового царства была остановлена. Но был положен предел движению на юг и стремительно усиливающейся державы хеттов. Дальше на юг хетты не пошли и, согласно «Повести Пентаура», сложенной о Кадешской битве, фараон милостиво снизошел к просьбе противника заключить мир.

Долго наслаждаться покоем фараону не удалось, потому что уже через три года египетское войско снова появилось в Сирии. Но реальных результатов достигнуто не было – тень кровопролитного Кадеша сдерживала экспансивные планы обеих сторон. Двусмысленный исход битвы под Кадешем постоянно подпитывал националистические круги Сирии и Палестины. После многолетних войн Рамсесу так и не удалось восстановить границы египетской империи даже времен Сети I, не говоря уже о достижениях Тутмоса III.

Спустя шестнадцать лет после битвы при Кадеше эта кровопролитная и безрезультатная для обеих стран война завершилась заключением мирного договора – древнейшего из известных исторической науке договоров о вечном мире, братстве и сотрудничестве в деле отражения внешней агрессии и подавления внутренних беспорядков. А еще через тринадцать лет этот договор был скреплен династическим браком Рамсеса II со старшей дочерью хеттского царя Хаттусили III.

Осада и разрушение Ниневии 605 (612?) год до н. э.

Древнейшая из мировых империй – Ассирия – существовала в междуречье Тигра и Евфрата (территория современного Ирака) задолго до Рождества Христова. Цари, правившие этим могущественным государством, вели захватнические войны и крайне жестоко относились не только к внешним врагам – вавилонянам, мидийцам, халдеям, но и к своим подданным – семитам. Понятно, что и соседи кротостью не отличались, при каждом удобном случае стараясь навредить ассирийцам.

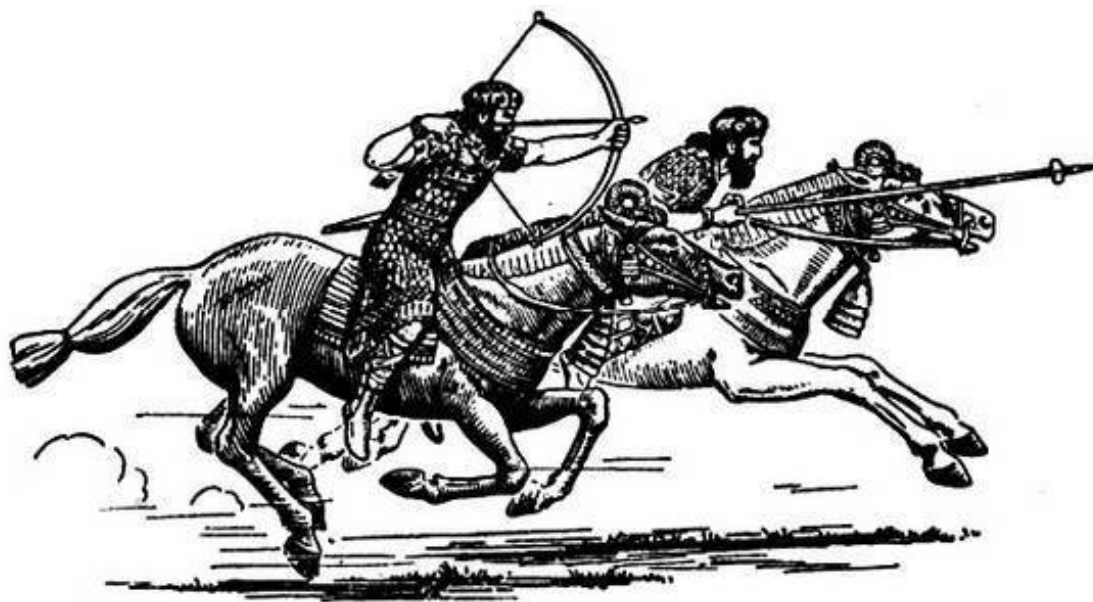
В начале VII века до н. э. столицей Ассирии стал крупнейший город Ниневия, стоявший на берегу полноводной реки Тигр. Это был город гигантских, имевших сверхчеловеческие масштабы дворцов, площадей и улиц, город новой, неслыханной дотоле техники. Это была столица жаждавшей всемирного владычества империи, правители которой держались на троне лишь с помощью террора. Чтобы избежать вражеских набегов, жители Ниневии воздвигли вокруг своей столицы мощные крепостные стены высотой двадцать пять метров. Боевые башни, шедшие по всему их периметру, были еще в два раза выше. При этом толщина стен составляла от десяти до пятнадцати метров. По верхней части крепостных стен была проложена дорога, где могли в ряд двигаться четыре боевых колесницы одновременно. Кроме внутренней городской стены, была еще и внешняя – длиной десять километров. Расстояние от внешней стены до внутренней составляло около шестисот шестидесяти метров, и на этой территории была создана прекрасно продуманная система обороны, которую предстояло преодолеть всякому, кто захотел бы овладеть городом. Между стенами ассирийцы прорыли широкие (до сорока пяти метров) и глубокие рвы, заполненные водой. Захватить такую крепость было весьма непросто.

Во второй половине VII века до н. э. Ассирийская держава достигает вершины своего могущества. От Кавказа на севере до Египта на юге, от Малой Азии на западе до Амударьи и Персидского залива на востоке – таковы были границы этой первой из мировых империй. Но такой гигантский рост уже нес в себе семена распада. Слишком ненавистны были гордые и жестокие ассирийцы для покоренных ими многочисленных народов. И после смерти великого ассирийского царя Ашшурбанапала против Ассирии складывается коалиция всех обиженных и недовольных, главную роль в которой играли мидийцы и вавилоняне. К тому же на всю Переднюю Азию прогремели слова еврейского пророка Наума: «Господь долготерпелив и велик могуществом, и он никого не оставляет без наказания. Настала очередь и Ниневии, которую Господь затопит водой и разрушит до основания».

Никто из ассирийских царей и военачальников не хотел верить пророчеству о затоплении города. Тем более, что на Тигре были построены мощные плотины и шлюзы. Ниневия казалась настолько сильной, что захватить ее считалось невозможным, тем более что и враги были ослаблены или разгромлены. Но в 605 году до н. э. (по другим данным – в 612 году до н. э.) огромная армия противников Ассирии во главе с мидийцем Киаксаром и вавилонянином Набопаласаром подходит к великому городу.

Ко времени подхода неприятеля последний ассирийский царь Сарданапал благоденствовал, предаваясь всевозможным излишествам. Как свидетельствует автор «Исторической библиотеки», древнегреческий историк Диодор Сицилийский, ассирийский царь, расположившись лагерем за пределами городских стен, не догадывался о резком ухудшении военного положения. Памятуя о былых победах Ассирии над врагами, он потерял бдительность и присоединился к своим воинам, «веселящимся, подобно животным, и предающимся пьянству». Об ослаблении ассирийской обороны стало известно от перебежчиков предводителям мидийцев и вавилонян. Они не замедлили воспользоваться случаем и организовали ночную атаку. Ассирийцы во главе с Сарданапалом потерпели поражение и бежали под защиту крепостных стен.

Противник преследовал их и уничтожил многих бегущих. Все же часть войска успела достичь спасительной Ниневии и запереть все городские ворота. В крепости имелся солидный запас продовольствия на случай длительной осады, так что осажденные могли особенно не волноваться о своей судьбе.

Ассирийские всадники

Атаки мидийцев и халдеев происходили весной, когда из-за паводка Тигр разливался особенно широко. К тому же хлынул ливень. Одна из плотин не выдержала напора и рухнула. Вода подошла к крепостной стене и образовала пролом, в который устремились осаждавшие. В этот момент Сарданапал, охваченный страхом, понял, что сбылось пророчество, гласившее, что «многие ассирийцы погибнут в воде». Он заперся вместе со своими сокровищами и наложницами в одном из дворцовых помещений, после чего приказал слугам поджечь помещение, предпочитая сгореть, нежели стать рабом у мидийцев.

Дворцы Ниневии и ее стены были разрушены, жители перебиты или угнаны в рабство, а богатства, свезенные со всех покоренных стран, разделены между победителями. Ниневия была разрушена полностью, что дало античному автору Лукиану основание вложить в уста крылатого Меркурия обращенную к перевозчику в страну мертвых Харону фразу: «Что касается Ниневии, мой добрый перевозчик, то она разрушена так, что от нее не осталось и следа, трудно даже сказать, где она в свое время находилась».

Так пала одна из самых могущественных империй в мировой истории. Ушла в небытие на двадцать пять столетий и великая Ниневия. Ее развалины были почти случайно открыты только в XIX веке английским археологом Лэйярдом.

Взятие Киром Вавилона 538 год до н. э.

После покорения Лидии персидский царь Кир начал медленное наступление на Вавилон. Его стратегия сводилась к тому, чтобы прежде всего изолировать Вавилон от внешнего мира. Результатом этой изоляции был значительный упадок торговли Вавилона, что вызвало недовольство вавилонских торговых кругов. Многочисленные иноземцы, находившиеся в вавилонском плену, ожидали прихода персов, особенно иудеи и финикийцы.

Весной 539 года до н. э. персидская армия двинулась в поход на Вавилон. В этот критический момент Угбару, наместник области Гутиум (вавилонская провинция к востоку от среднего течения Тигра), изменил царю Набониду и перешел на сторону Кира. По словам знаменитого греческого историка Геродота, при переправе через Гинд (современная Дияла) одна из священных белых лошадей утонула в нем. Кир в гневе приказал наказать реку. В течение лета персидское войско прорыло триста шестьдесят каналов и отвело воду из реки. По всей видимости, Кир задержали гидравлические сооружения Навуходоносора, приведенные в действие и залившие водой все пространство от Описа и Сиппара к югу, отрезав таким образом Вавилон от вражеской армии.

До нас дошло также интересное описание Геродотом укреплений Вавилона, относящихся к концу VII века до н. э. Данные, которые приводятся в этом описании, подтверждены раскопками. Теперь известно, что Вавилон был окружен тремя стенами толщиной соответственно 7, 7,8 и 3, 3 метра. На одной из стен было около трехсот башен, расположенных одна от другой на расстоянии сорок четыре метра. Стены опоясывал глубокий и широкий ров, наполненный водой. Каждая стена имела большое количество ворот, окованных медью. Город Вавилон был самой мощной крепостью своего времени.

«Наказание реки», которое Геродот представляет как самодурство, было на самом деле вполне обдуманное предприятие – снова спустить воду с затопленной местности и сделать её проходимой. Только после этого Кир продолжил поход. Вавилонское войско встало лагерем у города Опис, прикрывая переправы через Тигр. Но Кир в 20-х числах сентября неожиданно обошел Мидийскую стену с запада. Посланный Киром корпус Угбару осадил Вавилон, в котором находился сильный гарнизон во главе с сыном Набонида Валтасаром. Сам же Кир ударил в тыл стоящей у Описа армии Набонида. В сражении у Описа, которое произошло в самом конце сентября, вавилонская армия потерпела жесточайшее поражение и бежала. Набонид с немногими приближенными хотел отступить к Вавилону, но путь туда был отрезан войсками Угбару, и Набонид укрылся в Борсиппе. 10 октября был захвачен без боя Сиппар, а 12 октября, согласно вавилонским источникам, Угбару вступил в Вавилон. Как пишет Геродот, Кир велел отвести реку и вступил в город по её руслу, в то время как жители справляли какой-то праздник. Но современная событиями Вавилонская хроника ничего об этом не говорит, и поэтому многие историки считают сообщение Геродота недостоверным. Валтасар, пытавшийся оказать сопротивление персам в центре города, был убит.

Согласно Библии, в ночь взятия Вавилона персами на устроенном Валтасаром последнем пиру, он святотатственно использовал для еды и напитков священные сосуды, вывезенные его отцом из Иерусалимского храма. В разгар веселья на стене появились начертанные таинственной рукой слова на иврите: «мене, мене, текел, упарсин». Пророк Даниил истолковал надпись, в переводе с иврита означающую: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено», – и расшифровал ее как послание Бога Валтасару, предсказав скорую гибель ему и его царству. В ту же ночь Валтасар погиб.

Угбару, наместник Гутиума, который командовал персидскими войсками, вступившими в Вавилон, немедленно принял меры по предотвращению в городе резни и грабежей. Набонид,

узнав о падении Вавилона и гибели Валтасара, покинул Борсиппу, вернулся в Вавилон и добровольно сдался в плен. 29 октября 539 года до н. э. в город вступил и сам Кир, которому была устроена торжественная встреча. «3-го арахсамну (29 октября), – продолжает хроника, – Кир вступил в Вавилон. [Улицы] перед ним были устланы ветвями. Мир в городе был установлен. Кир объявил мир всему Вавилону». Пленный Набонид без лишнего шума был отправлен в почётную ссылку в отдаленную Карманию на востоке Ирана, где и окончил свои дни.

В официальной вавилонской историографии события были изображены так, будто вообще никакой войны с персами не было, а если и имели место отдельные инциденты, вроде битвы при Опесе, то в них повинен был только Набонид, но никак не Вавилон. Кир охотно принял эту версию вавилонской олигархии, ибо она вполне отвечала его интересам, и постарался подкрепить её делами. Жителям вавилонских городов были обещаны мир и неприкосновенность. Сначала Кир назначил царём Вавилона своего старшего сына и наследника Камбиса, но спустя несколько месяцев, видимо, по политическим мотивам, Кир отстранил сына от власти и короновался сам.

Захватив Месопотамию, персидский царь формально сохранил Вавилонское царство и ничего не изменил в социальной структуре страны. Вавилон стал одной из царских резиденций, вавилоняне продолжали занимать преобладающее положение в государственном аппарате, а жречество получило возможность возродить древние культы, которым Кир всячески покровительствовал. В надписях на кирпичах он выступает и почитателем вавилонских богов, и благодетелем Эсагилы и Эзиды. Более того, власть Кира в Вавилоне не рассматривалась как чужеземное господство, так как он получил царство «из рук бога Мардука», исполнив древние священные церемонии, и принял титул «царь Вавилона, царь стран». Однако фактически Вавилония из самостоятельного царства превратилась в сатрапию державы Ахеменидов и лишилась всякой независимости во внешней политике, да и внутри страны высшая военная и административная власть теперь принадлежала персидскому наместнику (по-вавилонски *bel-rahati* – «областеначальник») Вавилона и Заречья, то есть всей Нововавилонской империи. Этим «областеначальником» Кир назначил Угбару, которого греки звали Гобрием.

После захвата Вавилонии все западные страны до границ Египта – Сирия, Палестина и Финикия – подчинились персам добровольно. Торговые города Финикии так же, как вавилонские и малоазийские купцы, были заинтересованы в создании большого государства с безопасными дорогами. Так возникает грандиозная персидская мировая держава, протянувшаяся от Балкан до Индии. Вавилон стал, наряду с Персеполем, Сузами и Экбатанами, одной из четырех столиц персидского царя.

Марафонская битва 490 год до н. э.

Битва при Марафоне была первым крупным военным столкновением двух великих цивилизаций: античной (эллинской) и древневосточной (персидской). Она стала преддверием одного из величайших военных событий мировой истории – греко-персидских войн. В определенном смысле, эта битва, как и последовавшие за ней Саламин и Платеи, определила саму судьбу европейской цивилизации, задала базовый вектор ее развития.

Марафонской битве предшествовали следующие события. В 491 году до н. э. персидский царь Дарий отправил посольство в Грецию, требуя от греков покорности. Некоторые греческие полисы признали власть персов, но Спарта и Афины отказались это сделать и убили персидских послов. После этого, летом 490 года до н. э., персидский флот, состоявший из шестисот судов (включая особые корабли для перевозки лошадей), был собран в Киликии и отплыл оттуда для покорения Греции. Покорив Наксос, персы высадились на Эвбее. После шести дней осады главный город Эвбеи, Эретрия, был сдан в результате измены, разграблен и сожжен, а жители обращены в рабство. Затем персы переправились через пролив и, по совету перешедшего на сторону персов бывшего афинского тирана Гиппия, высадились на равнине под городом Марафон. Согласно современным данным, армия персов насчитывала около двадцати тысяч человек, из них половину составляла конница. Командовали персидским войском два полководца – Датис и Артаферн.

Как только было получено известие о том, что персы высадились на Марафонской равнине, афиняне спешно отправили скорохода просить о помощи спартанцев. Однако спартанцы медлили, и девяти– или десяти–тысячное афинское ополчение поддержало только тысяча воинов из соседнего городка Платеи. Афинянами командовали десять стратегов, сменявшихся по обычаю каждый день, однако в чрезвычайных обстоятельствах все стратеги отказались от своих прав в пользу Мильтиада, как самого опытного и лучше всех знавшего персидские воинские порядки.

Мильтиад выступил в поход и привел афинское войско во Франскую долину, соединенную довольно узким проходом с более обширной Марафонской равниной. Эта небольшая долина имела непосредственное сообщение с Афинами через горы. Здесь, во Франской долине, недалеко от ее выхода на равнину Марафона, там, где горы еще давали обоим флангам прикрытие, которое было к тому же усилено вырубкой деревьев, он построил свое войско так или велел ему стать лагерем таким образом, чтобы при первом известии о приближении врага оно могло выстроиться в боевом порядке. Ввиду того что долина, несмотря на искусственную преграду, все еще оставалась слишком широкой, Мильтиад не имел возможности дать своей фаланге желательную глубину, и поэтому он ослабил центр и укрепил оба фланга, чтобы они могли, даже выйдя из-за укрытия, оказать мощное давление на персидскую конницу в случае фланговой атаки.

Расположение греков, между прочим, развенчивает хорошо известную легенду о том, что афиняне атаковали первыми. С точки зрения военного искусства, это нонсенс. Покидать хорошо подготовленную позицию и атаковать заметно превосходящего числом противника в чистом поле, при опасности фланговых обходов – такое мог сделать только исключительно бездарный полководец. Мильтиад к ним явно не относился. Созданный им строй как раз и предполагал атаку персов по центру, с последующими фланговыми ударами греков против персидской конницы – схема, сходная с классической битвой при Каннах. И можно предположить, что Марафонское сражение началось именно с атаки персов.

Мильтиад построил греческую фалангу при входе в Марафонскую долину. На правом фланге находились лучшие афинские гоплиты, левее выстроились остальные воины по филам;

левый фланг составил отряд платейян. Правым крылом предводительствовал Каллимах, левым флангом командовал Аемнест.

Итак, битва началась, по всей видимости, с атаки персов. На обоих флангах неприятель был отбит афинянами и платейцами, но в центре перевес был на стороне персов. После этого Мильтиад дает сигнал к атаке беглым маршем, с целью уменьшить воздействие стрельбы опытных персидских лучников. Беглый марш позволял быстро преодолевать поражаемое стрелами пространство и морально воздействовал на противника.

В результате этого удара сильные фланги греческой фаланги опрокинули персидскую конницу которой не удалось прорвать здесь ряды афинян, и пошли против персидского центра, спеша на помощь своим стесненным в центре товарищам. Следствием этой атаки стало полное поражение персидских лучников. Окруженные с трех сторон, персидские воины обратились в бегство. Персы бежали в лагерь и стали спешно садиться на корабли; греки гнались за ними и, после схватки на берегу, захватили семь кораблей. На остальных кораблях персы отплыли в море, стремясь достичь Афин раньше, чем это сделают греки. Афиняне также устремились к родному городу и успели опередить противника. Мильтиад расположил свое войско на восточной стороне Афин. Персы, подойдя на своих кораблях к Фалеру (Фалер был тогда гаванью афинян) и увидев, что афинское войско стоит у города и готово к битве, не отважились высадиться. Персидский флот повернул назад и поплыл обратно в Азию.

В Марафонской битве греки дали первый отпор персам. Этот бой показал, что тяжеловооруженной, хорошо обученной пехоте не страшна иррегулярная конница. На месте сражения на Марафонской равнине, рядом с братской могилой воинов, павших за родину, был воздвигнут памятник в честь выдающейся победы.

Так кончился первый поход персов на Элладу. Афинянам победа стоила гибели ста девяноста двух человек, в числе которых были полемарх Каллимах и брат трагика Эсхила, Кинегир; потери персов Геродот исчисляет примерно в шесть тысяч четыреста человек (скорее всего, это преувеличение). Это была первая победа эллинов над персами; ближайшими последствиями ее стали упрочение афинской демократии и готовность эллинов помериться силами с могущественной Персидской державой и в будущем: без Марафона едва ли были бы возможны Саламин и Платей.

С Марафонской битвой связана одна широко известная легенда. Она гласит, что греческий воин по имени Фидиппид (по другим источникам – Филиппид) в 490 году до н. э. после сражения при Марафоне пробежал, не останавливаясь, от Марафона до Афин, чтобы возвестить о победе греков. Достигнув города, он успел крикнуть: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» – и умер. Эта легенда не подтверждается античными источниками; согласно Геродоту, Фидиппид был гонцом, безуспешно посланным за подкреплением из Афин в Спарту и преодолевшим дистанцию в двести тридцать километров менее чем за два дня. Легенда о том, что он пробежал из Марафона в Афины, была выдумана более поздними авторами и появилась у Плутарха в «Этике» в I веке нашей эры, более чем через пятьсот пятьдесят лет после реальных событий. Уже в новое время Международный олимпийский комитет в 1896 году оценил фактическую длину дистанции по прямой от поля битвы в Марафоне до Афин в тридцать четыре с половиной километра. На первых Олимпийских играх современности в 1896 году (а также на Играх 2004 года) марафонский бег действительно проходил по дистанции, проложенной от Марафона до Афин. Позднее путь был исчислен вновь, с учетом реальных преград, и марафонский бег принял свой классический вид – дистанция длиной 42 километра 195 метров. Сегодня в мире ежегодно проводятся десятки соревнований в этом очень специфическом и интересном виде легкой атлетики.

Сражение в Фермопильском проходе 480 год до н. э.

Мало какое из исторических событий столь известно и в то же время окружено столь большим количеством мифов и заблуждений, как битва в Фермопильском проходе. Авторам этой книги многократно приходилось слышать мнение, что в этом сражении триста героических спартанцев несколько дней сдерживали пятимиллионную армию персов (одно из нелепейших заблуждений Геродота, но при этом одно из самых живучих), и лишь предательство привело спартанцев к гибели. Другое мнение заключается в том, что спартанцы во главе с царем Леонидом пожертвовали собой, чтобы дать Элладе время подготовиться к вторжению. Действительность же, как это часто бывает, выглядела совершенно иначе...

Поражение под Марафоном не заставило персов отказаться от мысли завоевать Элладу. Однако подготовка к новому вторжению затянулась на десять лет. Смерть в 486 году до н. э. персидского царя Дария I привела к обычной для восточных деспотий борьбе за власть и другим неурядицам в виде восстаний покоренных народов. Преемнику и сыну Дария Ксерксу понадобилось для решения этих проблем несколько лет. Но когда власть нового царя окрепла, Ксеркс немедленно возвращается к старой идее.

Подготовка к великому вторжению заняла почти два года. К началу 480 года до н. э. основные приготовления были закончены. К побережью Малой Азии подтянулся огромный флот (тысяча двести семь кораблей), а в Сардах, столице Лидийской сатрапии, собралось сухопутное войско, состоявшее из представителей разных племен и народов, и все со своим вооружением. Прибыл сюда и сам царь со своей гвардией – десятью тысячами «бессмертных». Так эти царские телохранители назывались потому, что численность их отряда всегда оставалась неизменной: на место убитого или умершего немедленно принимался новый гвардеец. Геродот, говоря о численности собранного Ксерксом воинства, пишет, что для похода на Элладу Ксеркс собрал больше пяти миллионов человек, из них миллион семьсот тысяч составляли воины. Эта цифра совершенно нереальна, и объяснить ее можно только тем, что у страха глаза велики, а страх тогда в Элладе царил небывалый. В действительности же персидское войско едва ли могло насчитывать больше двухсот тысяч человек. Большее количество просто не смогло бы прокормиться, и для него не хватило бы питьевой воды во всех реках и водоемах, которые должны были встретиться по пути. Стоит отметить, что и из этих двухсот тысяч не более половины (а скорее треть) были настоящими воинами, остальные представляли многочисленную обслугу, обозников, строителей. Тем не менее, и такое войско многократно превышало силы не только любого из греческих полисов, но и всех их вместе взятых. А если учесть, что как раз этого единения среди греков и не было, надо признать, что силы Ксеркса были чрезвычайно велики и опасность для Эллады была действительно грозной.

В 480 году до н. э. огромное войско персов во главе с Ксерксом совершило переход из Малой Азии в Европу через пролив Геллеспонт (ныне Дарданеллы). В самом узком месте пролива, отделяющего Азию от Европы, финикийские строители соорудили хитрый мост, соединивший оба берега: поставили борт о борт корабли, положив сверху настил. Но налетел шторм, и от моста остались одни щепки. Разъяренный Ксеркс приказал казнить строителей, а море высечь плетьюми и опустить в него оковы, чтобы впредь оно не дерзало противиться его воле. После этого был выстроен новый мост, намного прочнее прежнего, и по нему персидское войско двинулось в Европу. Переправа длилась без перерыва семь дней и ночей.

Греки выслали войско – около десяти тысяч гоплитов – чтобы задержать персов на дальних подступах к Пелопоннесу. Сначала союзное войско хотело сдержать Ксеркса на северной границе Фессалии с Македонией, но потом оно отошло на Истмийский перешеек, соединяющий полуостров Пелопоннес с Балканами. Однако в таком случае многие греческие города на

материке оказались бы беззащитны, и в итоге войско перешло к Фермопилам, узкому проходу в горах, ведущему из Фессалии в Среднюю Грецию. Одновременно греческий флот в количестве двухсот семидесяти одной триеры стал заслоном для персидской флотилии недалеко от Фермопил, у мыса Артемисий.

Описание Фермопильского прохода есть у Геродота. «Так, у селения Альпены за Фермопилами есть проезжая дорога только для одной повозки... На западе от Фермопил поднимается недоступная, обрывистая и высокая гора, простирающаяся до Эты. На востоке же проход подходит непосредственно к морю и болотам. В ущелье этом построена стена, а в ней некогда были ворота. Древняя стена была построена в стародавние времена и от времени большей частью уже разрушилась. Эллы решили теперь восстановить стену и таким образом преградить варвару путь в Элладу».

Войско греков состояло из постоянных городских отрядов профессиональных тяжеловооруженных воинов-гоплитов, посланных в качестве передового заслона, пока города собирали ополчения. При Фермопилах собралось до шести тысяч гоплитов; спартанский отряд в триста воинов возглавлял царь Леонид, сын Анаксандрида. Он же считался и главнокомандующим всего эллинского войска. Нужно отметить, что эти шесть тысяч тяжеловооруженных воинов отнюдь не составляли все греческое войско. Из разных источников можно узнать, что в войске было до тысячи спартанских периэков (неграждан), а на каждого спартанского гоплита приходилось по семь рабов-илотов, которые использовались в качестве легковооруженных воинов. Можно предположить, что и в отрядах других полисов было немало воинов, не вошедших в приводимое Геродотом число гоплитов. По современным оценкам, количество греческих воинов, собравшихся для обороны Фермопильского прохода, могло достигать двадцати тысяч человек. Персидскую армию современные историки оценивают тысяч в семьдесят. Поэтому ни о каком сто– или тысячекратном превосходстве персов не было и речи.

Греки разбили лагерь за стеной, перекрывающей узкий Фермопильский проход. Стена эта представляла собой невысокую баррикаду, выложенную из тяжелых камней. Персидское войско остановилось у города Трахина перед входом в Фермопилы. Один местный житель, рассказывая эллинам о многочисленности варваров, добавил, что «если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца». В ответ спартанец Диенек беззаботно пошутил: «Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени» (в некоторых источниках это высказывание приписывается самому царю Леониду).

Ксеркс выжидал четыре дня, а на пятый послал наиболее боеспособные отряды из урожденных мидян и персов на штурм. Согласно данным историка Диодора, царь отправил в первой волне атакующих тех воинов, чьи близкие родственники погибли за десять лет до того в битве при Марафоне.

Греки встретили их в теснине лицом к лицу, в то время как другая часть воинов оставалась на стене. Греки притворно отступали, но затем разворачивались и контратаковали расстроенные отряды персов. Затем Ксеркс сменил мидян на киссийцев и саков, славных своей воинственностью. Воины персидского царя, имея более легкое вооружение и не получив строевой подготовки, подобной греческой, не могли прорвать плотную фалангу противника, укрывшуюся за сплошной стеной больших щитов. Перед наступлением вечера в бой пошла гвардия Ксеркса, воины из отряда «бессмертных». Но и они отступили после короткой схватки.

На второй день Ксеркс послал в бой воинов, известных своей отвагой (в основном карийцев), с обещанием хорошей награды за успех и смерти за бегство с поля боя. Второй день тоже прошел в бесплодных атаках. Персы сменяли атакующие отряды; греки, в свою очередь, сменяли в сражении друг друга.

Ксеркс не знал, что предпринять дальше, когда к нему обратился некий местный житель, Эфиальт, который вызвался за вознаграждение провести персов горной тропой в обход Фер-

мопил. Тропу охранял отряд фокийцев (из Средней Греции) – тысяча воинов. Отборный персидский отряд в двадцать тысяч под командованием Гидарна скрытно шел всю ночь, а к утру неожиданно обрушился на фокийцев. Загнав их на вершину горы, Гидарн продолжил движение в тыл эллинам, охраняющим Фермопилы. Фокийцы послали бегунов сообщить грекам об обходном маневре персов; об этом же греков предупредил еще ночью перебежчик из персидского лагеря по имени Тиррастиад.

Мнения союзников разделились. Большинство, подчиняясь воле обстоятельств, отправились по своим городам. Остались только триста спартанцев царя Леонида, семьсот феспийцев под командованием Демофила, сына Диадрома, и четыреста фиванцев под начальством Леонтиада, сына Евримаха. Численность воинов в отрядах указана на начало сражения, но за два дня боев греки понесли ощутимые потери. Феспии и Фивы – города в Беотии, через которую неизбежно должен был пролегать путь персидского войска, так что отряды этих городов защищали в Фермопилах родную землю. Геродот писал свой исторический труд в пору вражды Фив с Афинами, поэтому он не упускает случая выставить фиванцев предателями Эллады и сообщает, что фиванский отряд был удержан Леонидом против их воли в качестве заложников. Но эта версия Геродота опровергается как судьбой отряда, так и самой логикой войны.

Рассчитывая не на победу, но лишь на славную смерть, оставшиеся греки приняли бой в отдалении от прежнего места, там, где проход расширяется. Однако, даже там персы не могли развернуться и погибали массами в давке или будучи сброшенными с обрывистого берега. У спартанцев копья были сломаны, они разили врагов короткими спартанскими мечами в тесной рукопашной. В бою пал Леонид, у персов погибли Аброком и Гиперанф, братья царя Ксеркса. Заметив приближение с тыла персидского отряда, ведомого Эфиальтом, греки отступили к стене, а затем, миновав ее, заняли позицию на холме у выхода из Фермопил. По словам Геродота, во время отступления фиванцы отделились и сдались в плен: таким образом, они спасли свои жизни ценой клеймения в рабство.

Спартанцы и феспийцы приняли последний бой. Персы расстреливали последних героев из луков, забрасывали их камнями. По сведениям Геродота, при этом отличились доблестью спартанцы Диенек, братья Алфей и Марон, феспиец Дифирамб.

Из трехсот спартанцев в живых остался лишь Аристодем, который из-за болезни был оставлен Леонидом в селении Альпены. По возвращении в Спарту Аристодема ожидало бесчестие и позор. Никто не разговаривал с ним, ему дали прозвание Аристодем-Трус. Впоследствии Аристодем искупил несуществующую вину своей героической гибелью в битве при Платеях. По слухам, в живых остался еще один спартанец, по имени Пантит, отправленный гонцом в Фессалию. По возвращении в Лакедемон (область, где находилась Спарта) его также ожидало бесчестие, и он повесился.

Диодор представляет последний бой трехсот спартанцев в легендарном виде. Они будто бы напали на персидский лагерь еще затемно и перебили множество персов, стараясь в общей суматохе поразить самого Ксеркса. Только когда рассвело, персы заметили многочисленность отряда Леонида и забросали его копьями и стрелами с расстояния. Царь Ксеркс лично осмотрел поле боя. Найдя тело Леонида, он приказал отрубить ему голову и посадить на кол. Под Фермопилами пало, по словам Геродота, до двадцати тысяч персов и четыре тысячи греков, включая спартанских илотов. Павших эллинов похоронили на том же холме, где они приняли последний бой. На могиле поставлен камень с эпитафией поэта Симонида Кеосского:

*Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемене,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.*

Битва в Саламинском проливе 480 год до н. э.

Поражение греков при Фермопилах поставило Элладу в тяжелейшее положение. Оборонять Среднюю Грецию было, по существу, некому. Спартанцы отступили в свой родной Пелопоннес и начали строительство защитной стены на Коринфском перешейке. Сухопутная армия Афин – последнего крупного полиса Средней Греции, продолжающего сопротивление персам – численно уступала войску Ксеркса раз в десять, и в открытом сражении была бы обречена на гибель. Но оставался еще достаточно мощный афинский флот в сто восемьдесят – двести триер¹, созданный по требованию выдающегося афинского политика Фемистокла. Такое же количество кораблей имел и союзный Афинам флот небольших греческих полисов. Таким образом, соединенный греческий флот насчитывал от трехсот шестидесяти до четырехсот кораблей, и, хотя уступал по силе персидскому флоту (пятьсот – пятьсот пятьдесят галер), все же оставался последней надеждой эллинов.

Греческий флот после получения известия о гибели отряда Леонида оставил свою позицию у Артемисия, где он несколько дней сдерживал натиск персидских кораблей. Триеры греков, изрядно потрепанные в бою, отступили на юг и остановились в проливе между островом Саламин и берегом Аттики. Тем временем, огромная армия Ксеркса вторглась в Среднюю Грецию. Главные силы персов продвигались по направлению к Афинам, и жители города после долгих споров приняли решение его оставить. Все способные носить оружие должны были пополнить войско и флот, а старики, женщины и дети эвакуировались на близлежащие острова Саламин и Эвбею и на Пелопоннес. Персы заняли Афины. Небольшая часть афинян отказалась уходить и забаррикадировалась на Акрополе. Персы легко справились с их сопротивлением, разграбили и сожгли город.

Фемистокл и афинские моряки, глядя с берегов Саламина на зарево над Афинами, поклялись дать отчаянный бой персидскому флоту в узком и изобилующем шхерами и мелями Саламинском проливе. Афиняне прекрасно знали сложный фарватер пролива, а его узость лишала большие персидские корабли маневра и не давала использовать их численное превосходство. Командиры других греческих эскадр, как и официальный командующий всем союзным флотом спартанец Эврибиад, были другого мнения. Они считали, что надо отвести флот к берегам Пелопоннеса и вновь встретить врага уже там. Но Фемистокл настаивал на том, что терять такую выгодную позицию, какую имел греческий флот в тот момент, нельзя: в любом другом случае персы непременно использовали бы преимущество в численности, величине и скорости своих кораблей. В конце концов, он пригрозил, что афинский флот в случае отказа биться у Саламина просто уплывет куда глаза глядят, забрав всех оставшихся в живых афинян. Угроза возымела действие – лишиться половины флота означало окончательный проигрыш в войне.

Хорошо известна и легенда о том, что Фемистокл ночью послал своего доверенного раба Сикинна, родом из Персии, в лагерь Ксеркса, поручив тому передать, что он, афинянин, всей душой желает победы великому царю и поэтому предупреждает, что греки намерены уйти из пролива, лишив персов верной победы. Фемистокл советовал частью персидских сил перекрыть путь к отступлению, чтобы эллинский флот поневоле был вынужден дать сражение, в котором он, конечно же, будет разгромлен. Ксеркс поверил перебежчику и отправил корабли к проливу. Битва стала неизбежной.

¹ Триера – гребное судно с тремя вертикальными рядами весел.

Фемистокл

28 сентября 480 года до н. э. флот Ксеркса стал входить в пролив, намереваясь окружить и уничтожить греческий флот. В начавшемся морском сражении небольшие и быстроходные греческие триеры по команде триерархов стали легко маневрировать в знакомой акватории среди больших, тяжелых и неповоротливых финикийских галер, которые быстро загородили друг другу фарватер и сбились в неуправляемую, хаотичную массу, ломая свои собственные длинные весла. Осыпаемые тучей стрел, греки прикрывались бортами триер и щитами и брали корабли противника на abordаж, таранили их борта специальными остроконечными выступами триер, ломали им весла, не давая развернуться в боевой порядок. Бой в Саламинском проливе носил исключительно ожесточенный характер, противники истребляли друг друга не только оружием, но и всем, что попадалось под руку. К концу сражения морская вода стала красной от крови. В считанные часы греки разбили, потопили и пленили значительную часть финикийско-персидского флота, которым руководил брат Ксеркса Ариомен. По некоторым данным, персы потеряли около двухсот кораблей, потери греков составили сорок триер. Оставшимся кораблям персов удалось вырваться в открытое море и отойти к афинскому порту Пирей. Но продолжать сражение они уже не могли.

Победе греков способствовало несколько факторов. Это, конечно, самоуверенность Ксеркса, полностью убежденного в своей победе. Кроме того, тактика греков позволяла им постоянно использовать резервы, в то время как постепенно входящие в пролив персидские

корабли только увеличивали скученность и неразбериху. По словам самих греков, в этом беспорядке персы потеряли больше кораблей, чем от действий эллинского флота. Помогла союзному флоту и сама природа: поднялся ветер, неблагоприятный для персидского флота, который сбил суда в неуправляемую кучу.

Из этого ада вырвалось немногим более трехсот кораблей. И хотя даже сейчас персидский флот не уступал эллинскому, но тяжелое поражение сильно повлияло на боевой дух персидских моряков (точнее, финикийских и ионийских – у самих персов флота не было). К тому же создалась угроза действий эллинского флота против мостов через Геллеспонт, что ставило под угрозу все снабжение персидской армии. В этих условиях Ксеркс принимает решение увести флот, а с ним и немалую часть армии, на родину. Покидает Элладу и сам царь царей. Тем не менее, он оставляет в Греции значительное войско под руководством своего зятя Мардония. Задача окончательного покорения Эллады усложнилась, но по-прежнему оставалась на повестке дня.

И все же победа греков при Саламине имела решающее значение для дальнейшего хода войны. Греки завоевали господство на море, и армия Мардония, несмотря на всю свою силу, оказалась в непрестом положении, получая необходимые ей припасы и снабжение длинным и кружным сухопутным путем. Но еще важнее было психологическое воздействие Саламинской победы. Только после нее эллины поверили в самую возможность окончательной победы в войне со столь могущественным врагом.

Битва при Платеях 479 год до н. э.

Битва при Платеях – одно из крупнейших сухопутных сражений греко-персидских войн, состоявшееся, по одной из версий – 30 августа, по другой – 9 сентября 479 года до н. э. (попытки определить точный день расходятся из-за погрешности греческого лунного календаря). В этой битве персидская армия потерпела сокрушительное поражение, а военная машина Персидской империи была полностью разрушена. Сражение при Платеях коренным образом изменило ход греко-персидских войн 490–449 годов до н. э.

Как уже говорилось выше, после разгрома персов в морском бою у Саламина Ксеркс увел флот и часть армии в Персию. Но от попытки завоевать Элладу он не собирался отказываться. В Греции была оставлена сильная армия Мардония, получившего титул сатрапа. Помимо собственно персидских войск Мардоний мог рассчитывать на армии покоренных греческих городов.

Сегодня сложно оценить численность персидской армии с ее союзниками, поскольку свидетельства античных авторов (особенно Геродота) совершенно фантастичны. По мнению современных историков, у Мардония было около четырнадцати тысяч пехоты и восьми тысяч конницы, кроме того, имелось восемь тысяч гоплитов из числа греческих союзников. Таким образом, персидскую армию можно оценить в тридцать тысяч человек – очень немалое число по тем временам. Это было значительно больше, чем мог выставить любой полис Эллады, так что объединение антиперсидских сил Греции было абсолютной необходимостью. Но объединиться, однако, было далеко не так просто, в том числе из-за действий Мардония, пытавшегося если и не расколоть греков, то, по крайней мере, посеять в них взаимное недоверие.

Из зимнего лагеря в Фессалии Мардоний отправил в Афины посла, предлагая городу и жителям полное помилование, а также сотрудничество на равных. Персидский командующий от имени своего царя обещал забыть все обиды, которые афиняне ему причинили, предоставить их государству свободу и независимость и восстановить за свой счет все, что было разрушено персами в Афинах. Кроме того, персы заранее были согласны на то, чтобы афиняне захватили у соседей столько земли, сколько захотят. Афиняне намеренно затянули переговоры, чтобы о них узнали спартанцы. Те забеспокоились, как бы им не остаться против персов одним, и тоже отправили в Афины послов, заклинавших не соглашаться на предложение Мардония, не предавать свободу Эллады варварам. Тогда афиняне ответили сразу тем и другим, что ни на земле, ни под землей не найдется столько золота, чтобы персы смогли искупить преступления перед богами, чьи храмы и статуи в Афинах они уничтожили.

В ответ на отказ афинян от союза с персами, Мардоний двинул войска из Фессалии в Аттику. Он вновь занял Афины и опять обратился с мирными предложениями к их жителям, но уже с позиции силы. Афиняне снова отказались и обратились в Спарту с просьбой о немедленной помощи. Спартанцы, опасаясь, что Афины не выдержат персидского давления и пойдут на мировую, оставив тем самым Спарту один на один с могучим врагом, наконец, решились на выступление.

Узнав о выступлении спартанцев, Мардоний уничтожил в Афинах все, что там еще осталось после первого нашествия персов, и отступил в Беотию, так как гористая Аттика была неудобна для действий конницы. Военным силам греческих полисов удалось объединиться. К Афинам и Спарте примкнула и большая часть полисов Южной и Средней Греции, так что удалось создать армию, подобную которой еще никогда не собирала Эллада. Геродот называет цифру в тридцать семь с половиной тысяч воинов, современные историки оценивают численность греков примерно в тридцать тысяч человек. Общим командующим стал спартанский регент Павсаний; афинянами командовал Аристид Справедливый.

Персы не могли атаковать греков, занявших выгодную позицию; греки же опасались спуститься на равнину, боясь персидской конницы. Мардоний послал конницу обстреливать противника. Греки несли тяжелые потери до тех пор, пока в одной из стычек они не одержали верх, причем был убит командовавший конницей Масистий. После этого ободренные греки спустились к реке Асоп, заняв позицию у источника Гаргафии для лучшего снабжения водой. При этом на правом крыле построились спартанцы, на левом – афиняне, в центре же – прочие союзники. Мардоний, в свою очередь, построил против спартанцев – отборную персидскую пехоту, против афинян – греческие контингенты, а против союзников – мидийцев и бактрийцев. Были принесены полагающиеся перед боем жертвы, причем прорицатель Тисамен объявил, что греков ждет победа, если они будут обороняться, и поражение, если они перейдут Асоп и сами нападут на персов. Это (то есть невыгоду наступательного боя) и так видели оба полководца, в результате чего на протяжении восьми дней армии стояли друг против друга. Затем, однако, персидской коннице удалось перехватить посланный грекам обоз с продовольствием (пятьсот повозок) и засыпать источник Гаргафию.

На военном совете греков было решено отступить к Платеям, что и было исполнено в ночь на 9 сентября. Однако отступление пошло не по плану. Союзники, избежавшись от нападения персидской конницы, почти бежали к самим Платеям. Спартанцы же большую часть ночи оставались на прежней позиции. Причиной было то, что один из спартанских командиров категорически отказался «бежать» и отдавать своему отряду приказ о «позорном» отступлении. Он двинулся с места лишь после того, как Павсаний после длительных препирательств велел войску идти, не обращая внимания на остающийся отряд. Афиняне, заметив промедление спартанцев, также оставались на месте и двинулись одновременно с ними, но другой дорогой. В результате рассвет застал греческое войско разделенным на три части: союзники были у Платей, афиняне и спартанцы – на полпути к предполагавшейся позиции, но отделенные друг от друга холмами.

На рассвете персидская конница, как обычно высланная тревожить греков, обнаружила, что их лагерь пуст. Об этом было тотчас донесено Мардонию, и он с персидским авангардом кинулся в погоню за греками, которые, как он полагал, бежали. Однако спартанцы, атакованные противником, дали ему стойкий отпор, вместе с тем послав к афинянам с просьбой о помощи. Афиняне, однако, не смогли помочь, так как были атакованы греческими союзниками персов.

Персы построили укрепление из больших плетеных щитов и из-за него осыпали спартанцев стрелами. Спасаясь от потока стрел, спартанцы припадали к земле, прикрываясь щитами, чтобы потом подняться и стройными фалангами начать контратаку. Спартанцы атаковали и взяли укрепление, после чего бой перешел в рукопашную схватку. Имея более длинные копья и более тяжелые доспехи, спартанцы теснили персов. В это время греки – союзники персов – атаковали восемь тысяч афинян, тогда как главные силы Мардония обрушились на одиннадцать с половиной тысяч спартанцев. Мардоний попытался переломить исход сражения, возглавив конную атаку, но был выбит из седла и убит; проявленная им храбрость особо отмечалась греками. После гибели вождя персы бежали в деревянное укрепление; узнав о бегстве персов, бежали и сражавшиеся с афинянами греки (при этом, однако, фиванский «священный отряд» не пожелал отступить и полностью poleg в бою).

Спартанцы преследовали персов, но поскольку не были приучены брать укрепления, то ничего не смогли сделать до подхода афинян. Как только те подоспели, деревянное укрепление было взято, а его защитники либо перебиты, либо пленены. Из всего персидского войска спасся только арьергард во главе с Артабазом, который, не веря в возможность победы, опоздал (как полагали, намеренно) к сражению, а после известия о бегстве войска спешно увел своих воинов. В то же самое время на другом берегу моря, у мыса Микале в Ионии, греческий флот одержал крупную победу над остатками персидского флота, едва уцелевшего год назад

после поражения при Саламине. Объединенные силы «непобедимой» персидской армии были окончательно разбиты.

Битва при Платеях окончательно избавила Грецию от присутствия персидских войск. Наряду с произошедшей в тот же день битвой при Микале она означала поворотный пункт в войне, после которого греки из обороняющейся стороны превратились в нападающую.

Битва при Левктрах 371 год до н. э.

Битва при Левктрах – сражение, которое произошло в ходе Беотийской войны между фиванцами и их беотийскими союзниками во главе с беотархом Эпаминондом, с одной стороны, и спартанцами и их пелопоннесскими союзниками во главе с царем Клеомбротом, с другой. Сражение состоялось 5 августа 371 года до н. э. у города Левктры в Беотии (Центральная Греция), в одиннадцати километрах от Фив, и закончилось победой фиванцев. Оно изменило стратегическую ситуацию в древней Греции, навсегда уничтожив военно-политическую гегемонию Спарты и начав краткий период возвышения Фив. В истории военного искусства является одним из классических сражений древности, повлиявших на формирование базовых принципов стратегии и тактики.

После отражения персидского нашествия на Элладу прошло больше ста лет. Многое изменилось с тех пор. Недолго наслаждалась плодами великой победы Спарта – против нее выступили не только вечные конкуренты Афины, но и бывшие спартанские союзники, подержанные Персией. Когда истощенная многочисленными войнами Спарта перестала внушать страх персидскому царю, он заставил греков заключить между собой мир и продиктовал его условия греческим послам, прибывшим в персидскую столицу. Гарантом этого мира царь царей назначил Спарту и она вновь стала навязывать грекам свою волю, но теперь уже по милости персидского царя. Спартанцы бесцеремонно вмешивались в дела остальных греков, свергали, где могли, демократию, ставили у власти своих сторонников-олигархов и размещали там гарнизоны. Сограждане ненавидели олигархов, зато их поддерживали спартанские отряды, начальники которых и были настоящими правителями. Даже в Фивах, своем старом союзнике, спартанцы посадили свой гарнизон и частью казнили, частью изгнали сторонников демократии.

Изгнанные фиванцы обратились за помощью к Афинам – извечному сопернику Спарты. Фиванские демократы при поддержке афинян тайно вернулись в родной город, перебили олигархов и изгнали спартанский гарнизон. Спартанцы, естественно, не могли с этим смириться. Так началась долгая и ожесточенная Беотийская война, в ходе которой фиванские военные силы возглавил выдающийся полководец Эпаминонд.

В 371 году до н. э. войско спартанцев и Пелопоннесского союза под командованием спартанского царя Клеомброта вторглось в Беотию с целью её подчинения и восстановления в Фивах олигархического правления. Клеомброт вел наступление по гористой дороге вдоль морского берега и вторгся в Беотию внезапно. Войска Беотийского союза под руководством Эпаминонда встали укрепленным лагерем на холме у Левктр. Здесь же расположились войска Клеомброта. Лагерь противников разделяла равнина шириной около двух километров.

Спартанцы имели десять тысяч гоплитов и тысячу всадников, фиванцы – шесть тысяч пехотинцев и полторы тысячи всадников. Преимуществом спартанцев было численное превосходство и наличие в ядре войска отряда спартиатов – полноправных граждан Спарты, получивших чрезвычайно качественное военное воспитание. Преимуществом фиванцев была более многочисленная и лучше обученная конница и гениальный полководец Эпаминонд.

5 августа 371 до н. э. Эпаминонд решил дать сражение и приказал войскам строиться в боевой порядок. Клеомброт тоже, в свою очередь, дал приказ на построение. Спартанцы выстроились в классическую греческую фалангу из двенадцати шеренг. Правое, почетное крыло занимали сами спартанцы во главе с Клеомбротом, на левом крыле построились пелопоннесские союзники. Место перед строем заняла конница. Таким образом, Клеомброт рассчитывал провести классический бой фаланг, в котором правое, сильнейшее, крыло каждой из фаланг могло опрокинуть левое, слабейшее, а затем победившие крылья сражались между

собой. В таком столкновении и численное превосходство, и степень обученности спартанцев делали их победу предрешенной.

Эпаминонд

Однако замысел инициатора битвы Эпаминонда состоял в нарушении классической тактики равномерно построенных фаланг с усиленным правым флангом. На своем правом фланге он поставил фалангу всего из восьми шеренг, зато на левом, напротив Клеомброта и спартанцев, была выстроена колонна глубиной в пятьдесят щитов – «эмбалон». Её замыкало элитное подразделение фиванцев – «Священный отряд», под командованием ближайшего друга и соратника Эпаминонда – Пелопида. Эмбалон был выставлен вперед по сравнению с остальным боевым порядком фиванцев и должен был первым начать сражение. Строй фиванцев прикрывала также конница. Замысел Эпаминонда был простым, но совершенно новаторским для пехотной тактики греков. «Эмбалон» должен был взломать фалангу спартанцев, разгромить лучшую часть войска во главе с царем, после чего добить спартанских союзников труда не составляло. Главным риском этой тактики была угроза охвата ударной колонны с флангов более широкой фалангой спартанцев.

По случаю Гимнопедий – любимого спартанцами праздника в честь Аполлона – Клеомброт не был расположен давать бой в этот день. Эпаминонд, решив воспользоваться этим, приказал своей армии двинуться к лагерю, давая понять противнику, что и он не намерен биться. Увидевшие это спартанцы также начали покидать свои боевые порядки и отправились в свой лагерь. В этот момент фиванская конница нанесла неожиданный удар и опрокинула конницу

спартанцев. Отступая, спартанские всадники смешали ряды своей фаланги, причем прежде всего – правый фланг. Фиванцы же отошли на левый фланг своего боевого порядка.

Еще находящаяся в замешательстве после отступления конницы спартанская фаланга начала движение, загибая свой правый фланг так, чтобы охватить более короткий боевой порядок фиванцев. В этот момент фиванская ударная колонна врезалась в спартанский боевой порядок и прорвала его, «как триера своим тараном». Угроза окружения фиванцев была предотвращена стремительной атакой «Священного отряда» во главе с Пелопидом, столкнувшимся лицом к лицу с царем Клеомбротом и его дружиной, которая попыталась ударить во фланг «эмбалона». Лакедемоняне одни приняли удар беотийцев, перевес в воинах был целиком на стороне фиванцев, так как союзники Спарты еще не вступили в бой. В ожесточенном бою Клеомброт был смертельно ранен, кроме того, много спартанцев пало, защищая царя. Спартанцы сумели оттеснить фиванцев и забрать своего еще живого предводителя. Но, один раз нарушенная, целостность спартанской фаланги уже не могла быть восстановлена, и фиванцы, развернувшись вправо, нанесли фланговый удар по центру и левому флангу противника. Спартанцы в беспорядке побежали, и поле боя осталось за Фивами. Потери Спарты составили более тысячи человек.

Победа Эпаминонда при Левктрах произвела ошеломляющее впечатление на всю Грецию. Никогда до сих пор спартанцы не проигрывали сражения уступавшему им по численности противнику. Но Фивы одержали не просто победу. Эпаминонд первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке.

Битва при Левктрах означала закат длившейся много столетий гегемонии Спарты в Элладе. Вызов этой гегемонии бросали и прежде – это делали Афины, но только на море, и конечным итогом Пелопоннесской войны стало превращение Спарты в абсолютного гегемона Греции. Теперь же спартанцы впервые потерпели неудачу на суше. Поскольку большинство из погибших вместе с царем Клеомбротом спартанцев являлись полноправными гражданами полиса, к тому же принадлежавшими к знатным родам, битва при Левктрах нанесла Спарте серьезный демографический удар. Дальнейший ход Беотийской войны привел к распаду Пелопоннесского союза и утрате Спартой плодородных земель Мессении. Ведущие эллинские полисы были втянуты в изнурительную войну за гегемонию в Элладе – войну, которая закончилась победой новой действующей силы – Македонии.

Битва при Херонее 338 год до н. э.

В IV веке до н. э. к северу от Эллады находилась небольшая горная страна Македония. Отделенная от эллинских полисов обширной Фессалией, Македония среди самих греков считалась варварской страной, хотя уже к середине IV века до н. э. македонская элита полностью эллинизировалась, да и простой народ активно перенимал обычаи и достижения намного более культурной Греции. Но долгое время эта страна эллинами не воспринималась всерьез, пока на престол маленького царства в 359 году до н. э. не взошел энергичный двадцатитрехлетний Филипп II.

Филипп проявил незаурядный дипломатический талант и сумел быстро разобраться с многочисленными и сильными врагами. Подкупив фракийского царя, он уговорил его казнить Павсания, одного из претендентов на македонский престол. Затем разгромил другого претендента, Аргея, который пользовался поддержкой Афин. Чтобы избавиться от угрозы со стороны Афин, Филипп пообещал им Амфиполь, и этим избавил Македонию от внутренних смут. Политически укрепившись и усилившись, он вскоре овладел и Амфиполем, установил контроль над золотыми рудниками и начал чеканить золотую монету. Получив тем самым значительные денежные средства, Филипп приступил к грандиозным военным и политическим реформам.

Ранее македонскому войску не были свойственны особая дисциплина и высокие боевые качества, но теперь все изменилось. Главную силу македонской армии стала составлять фаланга, как и у греков. Но македонская фаланга отличалась от греческой своим вооружением и численностью. Только первые ряды фаланги имели тяжелое вооружение – металлические панцири и щиты, остальным они были просто не нужны. Главным оружием македонского пехотинца стала сарисса – копье, длина которого различалась в зависимости от ряда, в котором стоял воин. Если сариссы у первых двух рядов практически совпадали по длине с копьями греческих гоплитов (немногим более двух метров), то в двенадцатом ряду македонской фаланги воины обеими руками держали сариссы длиной двенадцать локтей (5,4 м). Всего македонская фаланга включала от шестнадцати до двадцати четырех рядов – вдвое больше, чем греческая. Достоверно неизвестно, как копьеносцы действовали своими сариссами в бою, но есть свидетельства, что прорвать фронт македонской фаланги было невозможно. Древние авторы сравнивали ее со страшным, оцетинившимся копыями зверем.

Тяжеловооруженную конницу, в рядах которой сражался сам царь, Филипп называл «товарищами» (гетайрами). Ее роль в македонской армии была гораздо более велика, чем в армиях греческих полисов: в ней служили наиболее профессиональные воины и часто именно удар конницы гетайров решал исход сражения. Такое же большое внимание Филипп уделял осаде городов; он не жалел денег, чтобы приобрести все технические новинки греческой осадной техники и по их образцу построить нужное количество боевых машин.

Уже к 350 году до н. э. Филипп почувствовал себя достаточно сильным, чтобы начать активно вмешиваться в греческие дела. А целью, которую он поставил перед собой, было ни больше, ни меньше, как господство над всей Элладой. На этом пути он применял самые разные средства: военную силу, обман, подкуп. Именно Филиппу принадлежит легендарная фраза: «Осел, груженный золотом, возьмет любую крепость».

За десять лет македонскому царю удалось добиться многого. Он подчинил себе Фессалию и Северную Грецию, сделал своим сателлитом некогда могучие Фивы. Оставались Афины и Спарта; с их включением в орбиту македонского влияния задачу можно было бы считать выполненной. Но здесь нашла коса на камень. Впрочем, Спарта, великая только своим прошлым, почти никакого участия в последующих событиях не принимала, но в Афинах нашелся

человек, сумевший приостановить лавинообразное расширение македонского влияния. Этим человеком был великий оратор Демосфен. Речи, в которых он разоблачал захватнические замыслы Филиппа, сам Демосфен назвал «филиппиками», и они обладали небывалой зажигающей силой.

Благодаря энергичным усилиям Демосфена, давнего противника Филиппа, а теперь еще и одного из руководителей Афин, образовалась антимакедонская коалиция, включавшая целый ряд греческих городов; стараниями Демосфена к союзу был привлечен сильнейший из них – Фивы, до сих пор бывшие в союзе с Филиппом. Давняя вражда между Афинами и Фивами уступила место чувству опасности, вызванному возросшим могуществом Македонии. Соединенные силы этих государств попытались выдвинуть македонцев из Греции. Союзники даже одержали победы в двух небольших сражениях. Но вопрос о судьбе и свободе Эллады должен был решиться в последней, генеральной битве, в которую обе противоборствующие стороны собирались бросить все имевшиеся силы.

Золотой медальон с портретом Филиппа II

Битва, которая решила судьбу Эллады, состоялась 1 августа 338 года до н. э. близ беотийского городка Херонея. Силы сторон были примерно равны: у Филиппа было тридцать тысяч пехоты и две тысячи конницы, все войско греков насчитывало, по-видимому, от двадцати

восьми до тридцати пяти тысяч человек. У союзников на правом фланге стояли фиванцы, на левом – афиняне, центр занимали ополчения других греческих городов и наемники. Правым флангом македонян командовал сам Филипп, а левый он поручил своему восемнадцатилетнему сыну Александру.

Сколько-нибудь детального описания сражения под Херонеей не сохранилось. Однако на основании довольно скудных свидетельств Диодора, Юстина и Полиена можно восстановить примерный ход событий. Зная пылкость афинян в бою, Филипп решил сначала измотать их. Изначальная позиция греков была выгодной: речка прикрывала их фланг с одной стороны, холм – с другой. По приказу Филиппа фаланга сомкнула ряды и, прикрываясь щитами, стала медленно отступать. Прием этот был отработан еще в боях с фракийцами. Афиняне с криками: «Погоним их до сердца Македонии» – бросились вперед. Когда атакующее войско расстроило ряды и вышло на равнину, Филипп бросил фалангу в наступление. К этому моменту и конница Александра ворвалась в образовавшиеся бреши между вражескими отрядами, а у Филиппа по явилась возможность окружить противника. Упав духом, большинство греков бежало с поля боя. Бежал и знаменитый афинский оратор и политик Демосфен, усилиями которого была организована антимакедонская коалиция. Погибло около тысячи афинян, еще две тысячи афинских гоплитов были взяты в плен. Пало на поле боя и множество фиванцев и других союзников. В частности, полностью, до последнего человека, погиб знаменитый фиванский «Священный отряд» из трехсот юношей. Позднее сам Филипп признал их небывалый героизм, сравнимый с подвигом спартанцев у Фермопил.

После победы, вне себя от радости, Филипп устроил пиршество прямо на поле боя среди неубранных тел. А затем пришла пора расправы с побежденными. Вот как об этом пишет Юстин: «Афинянам, которые выказали особую враждебность по отношению к нему, он без выкупа возвратил пленных, передал тела убитых для погребения и даже предложил им собрать все останки и положить их в гробницы предков... С фивян Филипп, напротив, взял выкуп не только за пленных, но даже за право похоронить павших. Самым видным гражданам он велел отрубить головы, других он отправил в изгнание, а имущество всех их забрал себе». Жестокость, проявленную к Фивам, Филипп объяснял их «предательством» – ведь до этого Фивы были союзником Македонии. Мягкость по отношению к афинянам объясняется тем, что для исполнения дальнейших планов (наступательная война против Персии), Филиппу очень нужен был могучий афинский флот.

Как бы то ни было, битва под Херонеей решила участь Греции – свобода ее погибла. Филипп достиг своей цели. В 337 году до н. э. в Коринфе, на собрании представителей всех греческих полисов, Филипп II был провозглашен вождем всех эллинов и начал готовить свой великий Восточный поход. Но на пике власти судьба оказалась немилостива к великому царю – в следующем году его поразил меч убийцы. Грандиозные планы Филиппа довелось выполнить уже его сыну Александру.

Битва при Гавгамелах 331 год до н. э.

В 336 году до н. э. царем Македонской державы становится сын Филиппа II, двадцатилетний Александр. Не менее талантливый и еще более честолюбивый, чем отец, он продолжает подготовку к великой войне с Персией. Подавив робкие попытки сопротивления македонской власти, через два года после воцарения Александр начинает небывалый в мировой истории поход, навеки обессмертивший его имя.

Александр Македонский вторгся в Азию через пролив Геллеспонт весной 334 года до н. э. В его армии, согласно данным Диодора, было тридцать две тысячи пехоты и около пяти тысяч конницы. Первое сражение с войсками персидских сатрапов произошло на реке Граник, недалеко от Трои. В битве при Гранике отряды сатрапов, преимущественно конные (числом до двадцати тысяч), были рассеяны, персидская пехота разбежалась, а греческие гоплиты-наемники были окружены и истреблены. Вскоре после этого Александр овладел всей Малой Азией, а затем, год спустя, в битве при Иссе нанес сокрушительное поражение войску во главе с самим персидским царем Дарием III. Дарий спасся бегством в глубь своей обширной империи, и пока он собирал новую армию из подвластных ему народов, Александр захватил Финикию, Сирию и Египет. Особо трудной была осада Тира, затянувшаяся на семь месяцев. В конце концов, Тир был взят, а население частью перебито, частью продано в рабство.

К началу 331 года до н. э. вся средиземноморская часть персидской империи признала власть Александра. Сам Дарий дважды предлагал ему мир, по условиям которого признавал все македонские захваты. Персидский царь обещал в качестве отступного и огромное количество золота и серебра, но Александр категорически отказался от мирных переговоров. «Все или ничего» – этот девиз как нельзя больше подходил молодому македонскому царю.

Веней 331 года до н. э. Александр начинает поход с целью полного уничтожения Персидской державы. Македонская армия выступила из Мемфиса к Евфрату и перешла его. Затем она направилась в северо-восточном направлении к Тигру благополучно переправилась через него, несмотря на стремительное течение, нигде не встретив неприятеля. Отсюда Александр направился к югу и 24 сентября наткнулся на передовую конницу персов. К этому времени персы вновь собрали большую армию и расположились лагерем на равнине близ деревни Гавгамелы, в семидесяти пяти километрах от города Арбелы (поэтому эту битву иногда называют сражением при Арбелах).

Для этой важнейшей битвы Александр собрал огромные, по меркам европейских армий той эпохи, силы. К этому времени македонская армия имела более пятидесяти тысяч человек: две большие фаланги тяжелой пехоты (около тридцати тысяч), две полуфаланги гипаспистов (около десяти – двенадцати тысяч), конницу (от четырех до семи тысяч) и несколько тысяч легковооруженных пращников и лучников. Но и Дарий за два года, прошедшие после битвы при Иссе, сумел собрать поистине грандиозное войско. Разумеется, античные источники и здесь допускают сильное преувеличение, насчитывая в нем и триста, и пятьсот тысяч, и даже миллион воинов. Но вряд ли можно сомневаться в том, что армия Дария *в количественном отношении* значительно превосходила македонско-греческое войско. Современные историки оценивают ее численность в сто – сто пятьдесят тысяч, но здесь надо учесть, что большую часть этой армии фактически составляло ополчение. Так что *качественно* македонская армия была на голову выше. И все же, все же... Битва при Гавгамелах, безусловно, стала самым крупным столкновением Запада и Востока, и именно в ней Александр впервые оказался на грани поражения, а значит и гибели.

Накануне битвы противоборствующие армии расположились на расстоянии около шести километров друг от друга. Александр дал отдых войскам в укрепленном лагере. Персы, опа-

саясь внезапной атаки македонцев, напряженно простояли день и ночь в полном вооружении в чистом поле, так что к утреннему сражению оказались морально надломлены усталостью и страхом перед македонцами.

Сражение началось атакой серпоносных колесниц, на которые Дарий возлагал особые надежды. Но македонцы хорошо подготовились к встрече с ними. От крика и шума, поднятого фалангитами, часть лошадей обезумела, колесницы повернули назад и врезались в свои же войска. Другая часть лошадей и возниц на колесницах была перебита легкой пехотой македонцев еще на подходе к основному строю. Тех же немногих лошадей, которые сумели ворваться в ряды фаланги, солдаты поражали длинными копьями в бока, либо расступались и пропускали в тыл, где их позже изловили. Лишь немногим колесницам удалось посеять смерть в рядах македонцев, когда, по образному описанию Диодора, «серпы нередко резали по шеям, посылая головы скакать по земле с ещё открытыми глазами».

Командующий правым персидским флангом, Мазей, сумел обойти левый фланг македонцев и потеснить их кавалерию. Друг Александра Парменион дрался почти в окружении с превосходящими силами противника. Около трех тысяч всадников Мазея прорвались к обозу македонцев, где завязался жаркий бой в отрыве от основного сражения. Персы грабили обоз, македонские гипасписты ограниченными силами устраивали вылазки из своего боевого построения, чтобы отбить обоз.

На правом фланге Александр совершает тактический маневр, представляющий загадку для историков. По словам Арриана, Александр в ходе сражения двинул правое крыло ещё правее. Согласно Полиену, Александр провел этот маневр вынужденно, чтобы обойти местность, которую персы заминировали железными шипами против лошадей. Неизвестно, вел ли он подразделения компактно, обнажая правый фланг пехоты, или растягивал войска по фронту. Во всяком случае, возглавляемые им гетайры в столкновение не вступали. Персы упорно пытались обойти Александра справа, послали бактрийцев и скифов, чтобы выдавить македонскую конницу на шипы.

Персидскую кавалерию связала боем конница из второй линии македонской армии. Как пишет римский историк Курций Руф, часть бактрийской конницы с крыла, противостоящего Александру, Дарий послал на помощь своим в бой за обоз. В результате сосредоточения персидских всадников на правом фланге Александра и ухода бактрийцев к обозу, в передней линии персидского войска образовался разрыв, куда Александр и направил главный удар своих гетайров с частью поддерживающей пехоты. Удар этот был нацелен непосредственно на царя Дария.

В схватке возникший Дария был убит дротиком, однако персы приняли его смерть за смерть персидского царя, и паника охватила их ряды. Левый фланг персов стал разваливаться и отступать. Увидев это, Дарий обратился в бегство, после чего побежали и его войска, находившиеся рядом. Из-за облака пыли и большой территории, охваченной сражением, персы правого крыла не видели бегства своего царя и продолжали теснить Пармениона. В этот момент Александр повернул гетайров и фланговым ударом по центру персидского войска попытался облегчить положение своего полководца. Но известие о том, что Дарий бежал, превратило этот удар в подлинный разгром персов. Вскоре Мазей также начал отступление, хотя и в относительном порядке, а Александр возобновил преследование царя персов в сторону Арбел.

Александр употребил все усилия, чтобы настигнуть Дария. Но в Арбелах персидского царя уже не было; захватили только его колесницу, щит, лук, сокровища (четыре тысячи талантов, или около ста двадцати тонн серебра) и обоз. Авангард македонской армии оказался в семидесяти пяти километрах от поля боя. Персидская армия потерпела окончательное поражение. Да и судьба Дария оказалась плачевной. Через несколько месяцев скитаний он был убит собственным сатрапом Бессом. И в глазах миллионов поданных Персидской державы именно Александр теперь становился истинным царем царей. Тем самым, после битвы при Гавгамелах,

двухсотлетняя Персидская империя – самое могущественное государство тогдашнего мира – прекратила свое существование.

Битва на реке Гидасп 326 год до н. э.

Победа македонцев под Гавгамелами привела к фактическому разрушению Персидской державы. Теперь Александру пришлось сражаться уже не с персидским царем, а с бывшими персидскими сатрапами, которые стали удельными правителями в подвластных им землях. И в 330–326 годах до н. э. македонско-греческое войско во главе со своим молодым царем совершает далекий и победоносный поход на Иран и Среднюю Азию. А когда вся территория Персидской державы была включена в состав империи Александра Македонского, новый властелин приступает к расширению владений за счет других стран, следуя своей навязчивой идее подчинить себе весь цивилизованный мир. Спустя восемь лет после вторжения в Азию Александр, пройдя Хайберским перевалом, вступает в сказочную для греков Индию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.